

Окончание. Начало на стр. 22–23

А.С. Грибоедов.
Рис. А.С. Пушкина

Кто и зачем обязал странниканести это бремя? Почему душа его, истомлённая мечтами, отдаётся чародейным снам? Не предназначенье ли это собственной судьбы?

Но поэма "Странник" не закончена.

СО СЛОВ ПОЭТА ИЗВЕСТНО О ДВУХ ночных видениях, связанных с историей создания "Горя от ума".

На праздничном вечере к Грибоедову подходит приятель и спрашивает, не сочинил ли он что-нибудь нового.

– Охоты нет, ума нет, от всякого писания давно отложился, – отвечает Грибоедов. – Дайте мне обещание, что напишете? – Что же вам угодно? – Сами знаете. – Когда же должно быть готово? – Через год непременно. – Обязываюсь. – Через год, клятву дайте... И я дал её с трепетом... Пробудился... Муэдзин с высоты минара возвещал ранний час молитвы. Ночная стужа развеяла моё беспамятство; затеплил свечку, сажусь писать и живо помню моё обещание: во сне дано, на яву исполнится.

Беловик письма неизвестному нам адресату не сохранился, но на черновом наброске грибоедовская пометка: "17 ноября 1820, час пополудни. Тавриз". Стало быть, автор придавал случившемуся откровению особый смысл.

В Тебризе был и другой сон, или, скорее, озарение: поэт увидел план "Горя от ума". Проснувшись, той же ночью, в саду, набросал сюжет и несколько сцен. Александр Блок, которого чрезвычайно интересовала судьба Грибоедова, считал "Горе от ума", "увиденное в сне тревожном", трагическим прозрением, равным голевскому провиденью в "Мёртвых душах". Блок был уверен: оба произведения не выдуманы – восприняты. От кого? "От Того, Кто посылает в мир пророков-поэтов. Они приходят в мир неузнанными и своё предназначение понимают не сразу. Это их мучает, жжёт, ибо "пожирает своё сердце глупец, сидящий праздно". Великий мученик и великий счастливый такой посланник.

На Востоке Грибоедов утвердился в мысли, что рождён для другого поприща. У поэта было достаточно опыта и хладнокровия, чтобы до поры до времени скрывать истинные мысли и настроения. По восточной поговорке: сокровенную песню громко не поют. Но однажды в минуту откровенности признался Бегичеву, задушевному другу с юности, что собирается "явиться в Персию пророком, сделать там совершенное преобразование". Бегичев улыбнулся: "Бред поэта..." – "Ты смеёшься, – возразил Грибоедов, – но ты не имеешь понятия о восприимчивости и пламенном

Развалины городов зороастрийцев на территории Ирана.

воображению азиатцев!" И тут он заговорил таким вдохновенным языком, что я начал верить возможности осуществить эту мысль".

ПОСЛЕ "ГОРЯ ОТ УМА" С ПОЭТОМ случилось необъяснимое: его поразила немота. Лёгкое перо словно омертвело, мысль не попадала в слово.

Не одно поколение литературоведов вывихнуло мозги, спотыкаясь на этой тайне Грибоедова. Одни утверждали: на создание комедии ушло столько сил, что это опустошило душу и сочинитель надорвался. Другие склонялись к мысли: Грибоедов – литературный однодум, автор одной книги, как Сервантес или Данте. Третьи видели истоки немоты в уме поэта: ум съел талант.

Тонкий знаток литературы Борис Эйхенбаум подвёл черту: тайна Грибоедова научными методами вряд ли разрешима. Чтобы шагнуть дальше, нужно провидеть нечто такое, что сначала было неясно и самому поэту.

Грибоедов имел смелость посмотреть на себя со стороны и после тяжких раздумий и колебаний пришёл к выводу: поэзия – не его путь. Надо круто менять жизнь. Его увлекает новая идея – "Проект учреждения Российской Закавказской компании", которую считает теперь основным делом жизни. Грибоедов собирается преобразовать Кавказ – российский Новый Свет, прибежище беглецов, ссыльных, неудачников и авантюристов. Предприятие задумано широко и смело: планировалось развивать виноделие и шелководство, учреждать заводы и фабрики, построить порт на Чёрном море, провести дороги и т.д. Компания могла получить крупное государственное, политическое и экономическое значение, укрепляя влияние России на Востоке.

В правительстве внимательно рассмотрели проект Грибоедова. Чего, в

сущности, добивается прожектёр? Власти. Почти неограниченной. На манер вице-короля Индии. И независимости. Директор компании предоставил себе право объявлять соседственным народам войну, двигать войска, строить крепости, вести дипломатические переговоры с другими державами. Всё изложено красноречивым, убедительным слогом. Но угроза налицо: компания – новое государство. А что, если в будущем оно захочет отложиться от России?

Проект не прошёл. Грибоедов всё чаще задумывается о "побеге".

Подозревал ли поэт в минуту ясного, а потому жуткого сознания, что круг его жизни замыкается? Видимо, да, если судить по следующим строкам: "И что мне в чудесах и в заклинаниях напрасных! Нет друга на земле и в небесах, ни в Боге помощи, ни в Аде для несчастных".

О ЖИЗНИ ГРИБОЕДОВА В ТЕБРИЗЕ известно крайне мало. Она проходила за сценой, да ещё при опущенном занавесе. "Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турками, – писал Грибоедов, – друзей не имею никого и не хочу..." Тем не менее считается, что поэт дружил с английским посланником, если можно назвать дружбой общение двух дипломатов, чьи державы соперничали за влияние в Персии. Уезжая в Тегеран, именно этой английской семье поручил Грибоедов заботу о жене, ожидавшей ребёнка.

Иностранная колония в городе была небольшой и пёстрой: на одном из раутов присутствовало двадцать шесть гостей тринадцати национальностей. Один из гостей, австриец, близкий к английскому послу, после возвращения на родину опубликовал записки о персидской жизни. О гибели русских дипломатов в Теге-

Архив